

НЕЛЕГКАЯ РЕЖИССУРА

Говорят, один из журналов, который не имел никакого отношения к кинематографу, опубликовал анкету на тему: «Какими данными должен обладать кинорежиссер». Ответы были такие: «Железным здоровьем. Стальными нервами. Неизменным оптимизмом. Умение обращаться с людьми. Воловьим терпением. Грамотностью. Если возможно — талантом». В этом шутилке, на первый взгляд, ответе есть, однако, зерно истины. Во всяком случае нередко нахожу в своих товарищах-режиссерах многие качества, о которых сказал неизвестный мне юморист. Вот и сейчас, сев писать о Владимире Ворокове, я вспомнил эти слова. И, наверное, не случайно...

Первым фильмом Ворокова была «Кабардино-Балкария сегодня». А до этого была учеба в Кабардино-Балкарском государственном университете, заседание Ученого совета, где решался вопрос о рекомендации Володи в аспирантуру. Неожиданный для всех отказ от поездки в Баку на учебу и такое же непредвиденное решение прийти на телевидение.

Первый фильм. Первые разочарования. Уже потом, много лет спустя, Вороков скажет: «Картины не доставляют мне ничего, кроме страданий». Ну, а пока съемки, съемки, съемки. С жадностью и неутомимостью он ищет материал, снимает объект за объектом.

Завоевывал он экран постепенно, очень медленно выработывая художественный взгляд.

Я пришел к Ворокову в группу, когда он за плечами имел уже десятка три документальных фильмов. Меня привлекли в нем его принципиальность в любых вопросах, касающихся не только фильма, целеустремленность и цельность натуры. Все эти качества позволяют ему с кажущейся легкостью снимать фильм от начала и до конца на едином дыхании.

Это, правда, не значит, что он всегда шагает эдаким победным шагом. Мне доводилось видеть Ворокова и таким, когда у него не было сил, и от усталости в руках появлялась дрожь. Когда он чувствовал полное безразличие ко всему окружающему и хотелось одного: бросить камеру, упасть на землю и закрыть глаза.

Помню, мы с Губаревым однажды шли, проваливаясь по глубокому снегу Чегета

со штативами и камерами, и от усталости ничего не видели. А Вороков шел за нами и кричал нам в затылки: «Какие вы операторы! Одно название. Вот закончим фильм, простимся!».

Обвешанный кассетницами, как пулеметными лентами, он тяжело дышит. Это короткое, прерывистое дыхание болью отдавалось в наших сердцах. Мы знаем: врачи давно запретили ему горы. А он более часа гнал нас ползком на вершину. Ради чего? Чтобы снять дватри плана, которые украсили бы фильм, как ему показалось однажды.

Глубокой ночью, когда все уже было позади, за чашкой крепкого чая Володя уверял нас, что это будут лучшие кадры, которые нам когда-либо удалось снять. Мы молчали, зная наперед, что они наверняка окажутся в монтажной корзине по воле самого же Ворокова. И думали о том, что прав был один из выдающихся режиссеров Михаил Ромм, когда он однажды сказал: «Режиссер — это один из «величайших эксплуататоров» нашего времени».

Но оставим это на совести «эксплуататоров». Такова уж печальная закономерность.

Мы часто размышляем и пишем о различных слагаемых фильма. И гораздо реже вспоминаем о личных эмоциях автора. А ведь в кинопублицистике именно личное переживание автора должно стоять на первом месте.

У Ворокова свои пристрастия, свои темы. Их много. Но о чем бы он ни говорил со зрителем, чему бы ни был посвящен фильм, главное, как он сам говорит, это — картина должна быть глубоко гуманной и эмоциональной, полна чистоты.

Из чего же складывается этот особый лирический настрой, которым обладают фильмы Ворокова? Прежде всего он рождается душевным складом Володи. Глубокий и искренний интерес к людям, их проблемам, к природе не позволяет ему говорить обо всем этом равнодушно. Он как бы превращает документальное кино в личное, говоря о каждом факте и явлении с позиций авторского видения мира.

Впрочем, однажды, помню, я подумал, что Вороков начинает повторяться. И вдруг фильм «Мороз и солнце», которому вручается диплом Всесоюзного фестиваля телефильмов, состоявшегося в г. Ереване. И не за что-то

иное, а за «поэтическое решение темы». А затем картина «Рабочие грани алмаза», в которой режиссер обратился к новой для себя теме — теме жизни рабочего класса. На первый взгляд, производственная тема требует скупого материала. Но это не так. При умелом отношении и такой материал может «заиграть», как, например, в фильме Ворокова. Рассказ в нем ведется от имени молодого коммуниста — бригадира комсомольско-молодежной бригады Фозы Гоовой. Откровением фильма, несомненно, явились синхронные куски, которые сделали ленту мягкой, лиричной, красивой, а самое главное, честной. Все эти качества картины были отмечены специальным дипломом жюри V Всесоюзного фестиваля телефильмов и программ в г. Волгограде.

Фильмы Ворокова живут на экранах. Все они, а их более пятидесяти, показаны по Центральному телевидению. Многие направлены в порядке обмена в Польшу, Болгарию, Монголию, Венгрию, ГДР, ЧССР, Румынию, Тунис, Марокко, Конго, Алжир, Сирию, Францию, Эфиопию, Индонезию, Индию, Иорданию и другие страны.

В начале творческого пути Вороков работал с Юрием Бусликом, прошедшим школу мастеров «старой гвардии», которые стояли у истоков операторского искусства, таких, как Головня, Косматов, Гальперин. Жестковатость, строгая композиционность линий — вот что отличало их совместную работу в то время. И это несмотря на лиричность Ворокова. О том же, что он лиричен, говорят прежде всего его фильмы «Чабанский хлеб», «Запах земли», «Шагди», «Светлая вода». Сколько в каждой из этих картин грустной нежности, трепетности!

Позже Вороков работал с Хасби Герасимовичем Короевым. Самоучка, прошедший путь от ассистента до оператора высшей категории, Короев обладал редким талантом. Вороков признавался: «Иногда трудно поверить, что эти трепетные линии кадра созданы с помощью камеры и пленки. Я не говорю уже об остром композиционном чутье Короева. Он очень мягко и лиричен. Все эти качества особенно проявились, когда речь шла о световом решении кадра. Я не встречал оператора, который бы так своеобразно пользовался солнцем, с его резкой светотенью».

Помню, мы ехали всю ночь, пробиваясь через мрак и редкие огни фар встречных машин. Моросил дождь. Вороков бережно придерживал голову заболевшего Хасби Герасимовича. Короев лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Но вдруг он разомкнул ресницы, и голубые глаза печально посмотрели в черное небо. Бледность разлилась по лицу Ворокова. Губы, почти белые, точно мраморные, мелко дрожали...

Пусто и тоскливо стало в коридорах Северо-Кавказской кинохроники, где не увидишь больше такой привычной для нас, знавших его, тучной фигуры Хасби Герасимовича. Вороков потерял не только оператора, единомышленника, он потерял близкого друга. И в память о нем он закончил фильм, который не успел доделать Короев.

Бывают разные системы отношений режиссера и оператора. Мне не довелось засгать то время, когда работал тандем Вороков — Буслик. Но зато был свидетелем творческого сотрудничества режиссера с операторами Короевым, Губаревым, Немьским. Я всегда с интересом следил за тем, как он строит свои отношения с разными операторами. Работая с Короевым, например, режиссер совершенно не вмешивался в избирательный материал картины, целиком предоставляя право его отбора оператору.

Прежде чем сказать о том, как складывались отношения с Губаревым, не могу не вспомнить о том, что Губарев был учеником Юрия Буслика, который вообще не терпит своенравного обращения с камерой, светом. Буслик отдаст предпочтение испытанным приемам, освоенным правилам. Он в этом смысле даже несколько академичен. И естественно, что его ученик пользовался теми же приемами. Когда Буслик ушел из «большого» кино, он оставил своему ученику камеру и, как говорится, все, чему успел научить его. И пусть поначалу Вороков вмешивался в работу Губарева, нет — нет и подправлял то, что он делал, но от фильма к фильму оператор завладал о себе, как о сложившемся мастере. И теперь режиссер и оператор работают, полностью доверяя друг другу.

Говоря о творчестве Владимира Ворокова, нельзя не сказать еще об одном человеке — о Рине Мартиросовой. Их творческие судьбы неразрывны. Оба они режиссеры. И вдвоем делят удачи и неудачи фильмов. Рине можно позавидовать. Она первая, с кем Вороков делится своими планами, кому читает свой сценарий. Она первая может согласиться или не согласиться с ним. Она его друг, его совесть и любящая жена, мать двух его сыновей.

Кинорежиссеру Ворокову Владимиру Халидовичу за киноленты о Кабардино-Балкарии в 1980 году была присуждена республиканская премия в области литературы и искусства. Тогда по заданию редакции «Новости», где начиналась деятельность режиссера, я снимал киносюжет об этом знаменательном событии. И делал это с удовольствием: снимать о нем фильм, как и работать с ним рядом, интересно.

А. МАМХЕГОВ,
кинооператор.